

Цзи Сюэмянь крепко зажмурился, чувствуя, как всё его тело пылает, будто его бросили в раскалённую печь.

Он ощущал на себе чей-то нескрываемый взгляд, изучавший его с головы до ног.

Цзи Сюэмянь приказал себе сохранять хладнокровие. Это вам не изнеженная, утонченная Столица, это полный странных обычаев Наньцзян. Раз уж он решил пойти на этот шаг и броститься в пасть тигру, ни в коем случае нельзя позволить хитроумным местным жителям раскусить его притворство.

Для него это было проще простого: хотя он и выглядел болезненным хрупким юношей, одного его взмаха меча хватало, чтобы отправить на тот свет с десяток бандитов.

Какой-то старческий голос прозвучал прямо над ухом:

— Весь отряд, около тысячи солдат, кто разбежался, кто погиб. Но этого красавчика мне убить не жалко. Только погляди на эту фигуру, на эту талию и личико! Ваша Светлость регент, если вы его не купите, я оставлю его себе!

Цзи Сюэмянь, изо всех сил притворявшийся мертвецом, едва не подпрыгнул от неожиданности. Регент? Дуань Цичи?

Вот уж поистине: вода затопила храм царя Драконов, а заклятые враги столкнулись на узкой тропе — угораздило же его встретить именно его!

Цзи Сюэмянь прибыл в Наньцзян как раз для того, чтобы усмирить регента Дуань Цичи и препроводить его обратно в Столицу для императорского суда.

И надо же такому случиться: Императорская гвардия еще и вызволить его толком не успела, а он сам угодил прямо в руки к регенту!

Цзи Сюэмянь подумал: остаётся лишь надеяться, что тот вспомнит былое и не станет рушить его планы.

Дуань Цичи сидел за столом, неторопливо помешивая чашку чая. Его низкий голос звучал недружелюбно:

— Ты хочешь продать его Мне? Да Вэн, неужто он твой человек? — Он холодно усмехнулся. — Если он не твой человек, верни его Мне.

Цзи Сюэмянь на мгновение растерялся. Вернуть кому? С каких это пор он стал чьим-то человеком?

Неужто регент напился вместо чая? Да он же вдрызг пьян!

Да Вэн тоже опешил от такого вопроса:

— Ваша Светлость регент, это еще что за шутки? Не забывайте, что вы мне обещали!

Стоявший рядом стражник тяжело фыркнул. В отличие от невозмутимого регента, он кипел от праведного гнева:

— Торговля людьми втайне от всех! Да у тебя наглости хватило, неужто собственной головы не жалко?

Да Вэн ухмыльнулся:

— Деньги нынче нужны, а в Наньцзяне свои порядки, нечего мне тут столичные законы устанавливать! Если Ваша Светлость всерьёз нацелился на него, то учтите: дёшево не отдастся!

Услышав это, Дуань Цичи с грохотом опустил чашку на стол и устремил взгляд на мужчину, лежавшего на плетёной из тростника циновке. На его лице читалась едва сдерживаемая свирепость. Он на мгновение прикрыл глаза и произнес глухим голосом:

— Сначала отпусти его.

Да Вэн цокнул языком:

— Торговаться вздумал? Некрасиво поступаешь, регент! Аль у тебя с деньгами туго? Да ты оглянись, чья это земля вообще?

— Чья земля? А по-твоему, чья? — Дуань Цичи бросил на него косой взгляд и сделал пару шагов вперед, оттесняя собеседника.

Да Вэн принялся пятиться назад и сглотнул слюну:

— Ладно, ладно, твоя взяла, Наньцзян теперь под тобой... Но заплатить всё равно придётся!

Дуань Цичи ничего не ответил. Он подошел вплотную к ложу Цзи Сюэмяня и склонился над ним, внимательно вглядываясь в его лицо.

Цзи Сюэмянь был бледен как смерть — пойди разбери, жив он вообще или нет. Его глаза были крепко зажмурены, а на бледных, холодных щеках проступал неестественный, яркий румянец — верный признак того, что его опоили зельем.

Руки Главного секретаря, чье имя гремело по всей Столице, привыкшие лишь сжимать кисть, были туго стянуты веревкой и привязаны к топчану. Его изящные, длинные пальцы сжались в

кулаки, и от этого зрелища сердце регента сжалось от боли.

Будучи Главным секретарем, Цзи Сюэмянь сосредоточил в своих руках всю полноту власти, управлял высшими государственными делами, и никто при дворе не смел с ним тягаться. Дуань Цичи впервые видел его в столь жалком состоянии, и на душе у него скребли кошки, словно кто-то ворочал нож в открытой ране.

Весь мир знал, что перед своей смертью прежний правитель оставил посмертное завещание, возведя на престол третьего принца Сюаня Во и поручив его заботам Цзи Сюэмяня. Ныне Цзи Сюэмянь был не просто Главным секретарем — он стоял выше всех подданных, уступая лишь самому императору, являясь наставником Сына Неба. Он был самым молодым Императорским Наставником за всю историю Династии Нин.

В Столице у Дуань Цичи хватало сторонников, но и у Цзи Сюэмяня было немало преданных сподвижников. Эти двое являлись самыми непримиримыми соперниками при дворе.

И лишь немногие знали, что когда-то Цзи Сюэмянь учился в Гоцзыцзяне вместе с регентом Дуань Цичи. Они были знакомы с юных лет, и если бы придворные чиновники прознали об этом, еще неизвестно, какой бы поднялся переполох.

Глядя на «впавшего в беспамятство» Цзи Сюэмяня, Дуань Цичи помрачнел взглядом и в конце концов сдался:

— Называй цену.

— Сотня лянов! — Предводитель варварского племени Да Вэн с фальшивой улыбкой уставился на рослого и статного мужчину. — Регент, гляжу я на вас — даже здесь, в диком Наньцзяне, одеты с иголочки. Сотня лянов для вас — сущие пустяки!

На Дуань Цичи был накинут роскошный, баснословно дорогой халат с серебряным воротником и вышитыми тиграми, голову венчал резной нефритовый венец, а талию стягивал лилово-золотой кушак с подвешенным агатовым цилиндром. Его брови горделиво изогнулись, а сам он излучал такую безудержную спесь, что сразу было видно: у этого богатея куры денег не клюют, и держится он куда важнее любого знатного вельможи.

Стражник Лань Шэнь, сгорая от ярости при виде того, как измываются над его господином, выхватил меч, намереваясь без лишних слов снести голову Да Вэну. Дуань Цичи протянул руку и остановил его:

— Стоять.

Бросив на Да Вэна тяжелый, острый как у сокола взгляд, регент выждал паузу и прямо спросил:

— И этого ты оцениваешь всего в сотню лянов?

Да Вэн опешил:

— Ну... тогда десять золотых слитков! Больше не дам, сейчас голодное время, если у меня найдут слишком много золота, голову с плеч не сносить!

Лань Шэнь снова попытался вытащить меч из ножен, яростно выплюнув:

— Тьфу! Мой господин по-твоему стоит каких-то жалких десять слитков?! Ты что, совсем не уважаешь нашего регента?!

Дуань Цичи приподнял бровь, шлепком опустил руку Лань Шэня и тут же окончательно уладил дело.

Этот поход в Наньцзянь затянулся уже на несколько месяцев. С момента прибытия сюда Дуань Цичи только и делал, что захватывал города и земли. Провиант выдавался строго по граммам, мужики экономили на каждом шагу так, что пояса туго затягивали. Выделить десять золотых слитков из собственных накоплений регента — это еще куда ни шло, но тратить казну на такое он не собирался.

К тому же они находились не в Столице, иначе он бы и сотню слитков не пожалел.

Да Вэн тут же потребовал:

— Где золото?

— Не взял с собой.

Рассвирепевший Да Вэн уже раскрыл рот, но Дуань Цичи не собирался с ним цацкаться. Он отстегнул от пояса подвеску-цилинд и швырнул ее на деревянный стол:

— Сколько золотых слитков стоит эта вещица?

Увидев цилиндр, Да Вэн едва не ослеп от блеска:

— Да за нее не меньше десятка слитков дадут! Эй, живо уносите этого полумёртвого! Я озолотился, ха-ха-ха...

Цзи Сюэмянь почувствовал, как кто-то приближается. От этого человека исходил знакомый, мягкий запах драгоценного благовония — мускуса и амбры. Чья-то фигура склонилась над ним, полностью заслонив тусклый свет свечи.

Его пути ослабли. Касание чужих пальцев было теплым и сухим, а движения — нежными, словно обращались с хрупким фарфором.

Цзи Сюэмянь продолжал ровно и слабо дышать, чтобы не выдать себя.

Спустя мгновение Лань Шэнь взвалил его себе на спину и спешно покинул лагерь племени.

А вот Дуань Цичи остался в шатре Да Вэна. Дождавшись, пока Лань Шэнь скроется из виду, он повернулся к хозяину:

— Я знаю, что ты подсыпал ему зелье. Где противоядие?

Да Вэн обнажил в улыбке свои гнилые зубы, изобразив самую подобострастную физиономию, однако в его глазах читалось скрытное лукавство.

Помявшись, он протянул:

— Ох, Ваша Светлость регент, какое там противоядие? Обычное приворотное зелье, ему просто нужна женщина, чтобы сбросить жар...

Рука Дуань Цичи замерла на полпути. Он прищурился и медленно спрятал ладонь в рукав.

В Наньцзяне и без того беспокойно, народ страдает, и подсовывать несчастную девушку в качестве утехи Главному секретарю он не собирался.

Но как же быть, если не привлекать женщину для помощи? Как помочь Цзи Сюэмяню?

В раздумьях Дуань Цичи вскочил на коня и помчался обратно в лагерь. Все армейские подразделения уже стояли лагерем на месте. Надвигались сумерки, небо на западе потемнело. Солдаты разожгли костры, установили котлы и готовились к ужину.

Эта стоянка была лишь временным убежищем, и уснуть здесь уже казалось роскошью, ведь вокруг рыскало множество враждебных местных племен, готовых напасть при первой возможности.

Лань Шэнь с тазом в руках то выбегал из палатки, то возвращался обратно. Дуань Цичи преградил ему путь:

— Где Главный секретарь?

Лань Шэнь вытер со лба пот:

— У Главного секретаря жар.

Это был не просто жар, а действие похотливого зелья. Дуань Цичи молча перехватил таз с водой из рук Лань Шэня:

— Ступай приготовь ему поесть, я сам оботру ему лицо.

Былая покорность и мольбы о помощи исчезли с лица Лань Шэня, сменившись открытым недоверием.

Дуань Цичи невозмутимо поинтересовался:

— Что, отблагодарить меня передумал? Лань Шэнь, ты осознаешь свою вину?

Лань Шэнь не смел перечить Дуань Цичи — в конце концов, тот был не только регентом, но и главным кредитором, ссудившим целых десять золотых слитков!

Скрипя зубами, Лань Шэнь произнес:

— Лань Шэнь потерял Цзи Сюэмяня и побеспокоил регента ради спасения... Готов понести наказание.

Только этого Дуань Цичи и добивался:

— Хорошо, иди на гауптвахту. Заместитель командира Ли как раз ужинает, подожди его там.

Лань Шэнь был человеком простым и исполнительным, а потому не осмелился ослушаться приказа регента.

Воспользовавшись этим, Дуань Цичи беспрепятственно вошел в палатку и увидел Цзи Сюэмяня, лицо которого покраснелось еще сильнее.

Его губы горели алым, черные брови сошлись на переносице, а кожа пылала так, будто ее окунули в вишневый сок. Прекрасный, ослепительный вид.

Лань Шэня стоило наказать: мало того, что умудрился потерять столь прекрасного Главного секретаря, так еще и позволил связать его и подвергнуть такому испытанию.

Местные племена Наньцзяна отличались особой жестокостью, а Императорская гвардия слишком долго не покидала пределы Столицы, растеряв былую боеспособность. Стоило им ступить на землю Наньцзяна, как их тут же схватили, и даже жизнь Цзи Сюэмяня удалось спасти лишь чудом.

Набрать и обучить новый отряд «Императорской гвардии» для Дуань Цичи не составляло труда, но для этого ему была необходима императорская Тигриная верительная бирка, хранившаяся у Цзи Сюэмяня.

На груди у того отчетливо виднелся бугорок, формой напоминавший тигра. Если забрать его прямо сейчас, спящий ничего не заметит.

Дуань Цичи слегка прищурился.

Цзи Сюэмянь... Это имя бесчисленное количество раз являлось ему в сновидениях.

В юности Цзи Сюэмянь был самым блистательным учеником во всем Гоцзыцзяне. С тех самых пор Дуань Цичи то и дело зарился на этого похожего на фарфоровую куклу холодного юношу. Время от времени дразнить его и выводить из себя было его любимым развлечением в унылые годы учебы.

Повзрослев, тот стал почтительным и кротким советником при императорском троне, держался с непреклонным достоинством среди сановников, рассекал верхом на коне на лихом скакуне со строгим и неприступным лицом, оставаясь недостижимым.

И лишь то лицо, прекрасное и чистое, словно нетронутые снега, вместе с его длинным хлыстом на поясе навсегда врезалось в память Дуань Цичи, не давая покоя.

Дуань Цичи был влюблен в него с юных лет. Жаль только, что тот не отвечал ему взаимностью, а иначе Дуань Цичи с радостью помог бы ему избавиться от действия зелья, избавив от этих мук.

Длинные ресницы Цзи Сюэмяня слегка дрогнули — очевидно, он уже пришел в себя.

Дуань Цичи тихонько усмехнулся. С малых лет он обожал подначивать этот ледяной комочек, и даже притворство во сне не было исключением.

Он протянул руку прямо к груди Цзи Сюэмяня, туда, где пряталась Тигриная верительная бирка. И тут Цзи Сюэмянь резко распахнул глаза и наотмашь вцепился в его запястье:

— Ваша Светлость.

Хрупкая на вид ладонь и спустя столько лет сохранила мертвую хватку. А пара узких, раскосых фениксовых глаз источала высокомерную холодность — где только и след остался от затуманенного дурманом взгляда?

Дуань Цичи даже не попытался высвободиться. Он лишь улыбнулся:

— Главный секретарь искусен как в гражданских делах, так и в боевых искусствах, бдителен и собран — поистине достоин звания Императорского Наставника.

Цзи Сюэмянь приподнял изящные брови и процедил сквозь зубы:

— Прошло немало лет с тех пор, как мы расстались с Вашей Светлостью в Столице. Благодарю за столь долгую память, но ваш покорный слуга недостойна столь громких похвал.

Дуань Цичи неопределенно кивнул, аккуратно засунув его руку обратно под одеяло, и мягко произнес:

— Поскольку весь отряд Императорской гвардии уничтожен, до возвращения в Столицу Главный секретарь может пожить в моем лагере. Надеюсь, вы окажете мне эту честь.

Цзи Сюэмянь не ожидал от Дуань Цичи такой щедрости. Поразмыслив о том, что идти ему сейчас все равно некуда, он бесстрастно ответил:

— В таком случае благодарю регента за приют.

Однако Дуань Цичи не спешил уходить:

— Разве уважаемый секретарь не чувствует в своем теле никаких странных изменений?

Цзи Сюэмянь слегка замер, охрипшим голосом отказываясь продолжать разговор, но про себя уже всё понял.

Дуань Цичи не догадывался, что Цзи Сюэмянь слышал каждое его слово, а потому изъяснялся крайне осторожно, словно боясь вновь обидеть.

Цзи Сюэмянь вовсе не собирался усугублять ситуацию:

— Я устал, Ваша Светлость, ступайте.

Дуань Цичи собирался предложить свою помощь в исцелении, но знал, как горделив этот человек — разве станет он преклоняться перед действием какого-то дурмана? И даже сейчас он скорее предпочтет сгореть дотла, чем позволить врагу оказать ему услугу.

Неужели и вправду придется искать какую-нибудь девицу? Дуань Цичи против воли скривился от одной этой мысли, но открыто заявить о своих намерениях не смел, страшась оттолкнуть Цзи Сюэмяня еще дальше.

Опустив взгляд, он спрятал вспыхнувшее на дне души странное чувство ущемленности и, не сказав больше ни слова, откинул полог шатра и вышел.

Цзи Сюэмянь не заметил перемен в его настроении. Проводив удаляющуюся фигуру регента долгим взглядом, он наконец тяжело вздохнул.

После кончины прежнего правителя все гражданские и военные чины сошлись во мнении, что власть регента Дуань Цичи стала чересчур угрожающей. Под его началом находились закаленные в боях отряды преданных воинов, а главное — из четырех существовавших в Поднебесной верительных бирок одна принадлежала именно ему.

Остальные три находились на руках у престарелых генералов, доживавших свой век в Столице. Пользуясь их немощью и заручившись поддержкой наложницы-матери юного императора, Дуань Цичи воссел на позиции полновластного регента.

Опасаясь за судьбу трона, юный император передал свою бирку, способную поднять Императорскую гвардию, в руки наставника — Цзи Сюэмяня, отправив его в Наньцзян следить за Дуань Цичи и при удобном случае вернуть символ власти.

Цзи Сюэмянь боялся лишь одного: если Дуань Цичи завладеет и этой биркой, Поднебесная окончательно перейдет в чужие руки.

Амбиции регента не знали границ. Стоило ему решиться на переворот, и юный император погиб бы без погребения.

Единственным человеком во всем мире, от которого у Цзи Сюэмяня шла кругом голова, был этот непроницаемый, погруженный в пучину интриг регент.

Воспоминания о прошлом заставили щеки Цзи Сюэмяня неожиданно покрыться ярким румянцем.

Он глубоко вздохнул, но изнутри по-прежнему поднималось назойливое жжение, словно тысячи муравьев бегали по его венам. Зудящий жар проникал в каждый сустав, лишая последние остатки сил.

Действие зелья оказалось слишком сильным. Поборовшись с собой еще немного, он окончательно потерял над собой контроль.

<http://bllate.org/book/21919/2277342>